

Н. СТРАХОВ

Философские очерки

III. Главная черта мышления
<фрагмент>

IV

Субъективность мышления в истинном ее смысле открыта Кантом. Юм хотел объяснить и понять мышление механически, в том роде, как объясняются явления в объективном мире. Таким образом, он говорил, что мысль, например, связывает явление с его причиною только по привычке видеть, что за одним явлением следует всегда другое. Объяснение чисто объективное. Юм понимал субъективность мышления только внешним образом; он знал только, что мысль о предмете и самый предмет — две вещи различные. Что и как происходит во внешнем мире, мы не знаем, так как между ним и нами всегда находится промежуток. Мы имеем только впечатления; но эти впечатления суть не более, как оттиски или отражения одного предмета на другом, и, будучи различны от впечатливающегося предмета, в то же время совершенно от него зависят. Следовательно, они ничего не могут нам дать относительно действительной связи явлений. Во внешнем мире одно явление следует за другим; так они следуют и в наших впечатлениях; мы помним эту последовательность, и невольно, машинально за одним явлением ждем другого; вот весь смысл того, что мы считаем одно явление причиною другого. Кант понял, что такой взгляд, совершенно логически со своей точки зрения, очевидно, минует настоящую природу мышления. Он понял, что мышление, связывая одно явление с другим, как с его причиною, действует не невольно и механически, а совершенно сознательно, зная, что оно делает, почему и для чего оно делает. Оказалось,

что мышление ставит предметы в причинную связь между собою для того, чтобы была возможность их мыслить. Причинная связь не навязывается мышлению извне, оно само ее мыслит, и только этим и можно объяснить все дело, подобно тому как зрение объясняется только тем, что изображение в глазу само себя видит, а не бывает видимо кем-то другим, сидящим позади глаза.

Таким образом, Кант открыл в человеке чистый разум или чистый ум, то есть разум, в котором нет ничего ему чуждого и непрозрачного для его собственного зрения. Это великое открытие он справедливо сравнивает с открытием Коперника, нашедшего обращение земли около солнца. Мысль, не знающая своей субъективности, принимает видимое движение за действительное; мысль, сознавшая свою субъективность, знает, где истинный центр движения, и умеет различать действительное движение от кажущегося.

V

Так как отношение мысли к себе самой коренным образом отличается от ее отношения к другим предметам, то встречается большая трудность для выражения этого отношения. Наш язык соответствует объективной деятельности мышления, как самой простой и обыкновенной; поэтому, хотя он имеет всяческие средства отрицания и противоположения, он постоянно сбивает мысль с субъективной сферы в объективную. Выражения, употребляемые субъективной мыслью, или кажутся странными до нелепости, или же кажутся совпадающими с обыкновенными, объективными выражениями. В первом случае, то есть когда нас поражает отступление от объективных форм мысли, мы будем всего ближе к пониманию дела. Так, например, выражения: *мысль сама себя мыслит, изображение само себя видит, свет сам себя озаряющий*, — не нужно понимать в таком простом смысле, как, например, выражения: *я сам себя вижу, сам себя слышу* и т. п. Разница в том и другом случае огромная. Если бы человек видел себя внутрь, так что зрение проникало бы во все части его тела и различало бы его строение, то такое зрение более походило бы на отношение мысли к себе самой. Канта не раз сравнивали со школьником, который возымел странное намерение не прежде войти в воду, как уже выучившись плавать. Его же, кажется, сравнивали с героем «Не любо не слушай, а лгать не мешай», который, за-

вязши в болоте, схватил себя рукою за чуб, и вытащил сам себя на твердое место. Так странны кажутся приемы субъективной мысли, выраженные в образах объективного мира! Нельзя самого себя держать; нужно за что-нибудь держаться и на что-нибудь опираться. Это так ясно! Кто этого не знает! Точно так же, нельзя плавать в самом плавании, а можно плавать только в воде; это так очевидно! Между тем, мысль делает именно эти невозможные вещи, и в возможности их делать и заключается ее сущность. Мысль сама себя держит и плавает не только в воде, но и в своем плавании; потому что она не только мыслит о предметах, вне ее находящихся, но и сама себя мыслит. Возражения против такой постановки дела так же неосновательны, как то возражение против круглоты земли, что люди на противоположной стороне должны стоять ногами кверху, а головою книзу, следовательно, подвергаются опасности упасть с земного шара.

VI

Такова точка зрения, которую открыл Кант и на которой он стоял. С нее и только с нее одной и можно производить анализ мышления. Мы не будем здесь говорить о том анализе, который сделан самим Кантом. Мы хотели только обозначить найденную им субъективность мышления и заметить, что она установлена совершенно прочно и незыблемо. Критика Канта раз и навсегда положила конец прежнему, догматическому направлению философии. Можно предположить, что от точки, до которой достиг Кант, идут разные дороги в разные стороны: по крайней мере немцы уверяют, что со времен Канта их философия разветвилась. Но вернуться назад, за Канта — дело невозможное. Подобные попытки имели бы столь же мало значения и смысла, как взгляд на мироздание, отвергающий систему Коперника, или геологическая система, предполагающая, что земной шар существует лишь семь-восемь тысяч лет.

Известно, что, если отрицание системы Коперника встречается ныне уже редко, то до сих пор очень обыкновенное явление — отрицание долговечности земли. Что же мудреного, что кантовская точка зрения многими упорно отвергается? Между тем ничего не может быть печальнее в умственном мире, как подобного рода явления, то есть отрицание вещей очевидных и незыблемых. Как только есть истина, которой мысль боится, — дело кончено; никакой дальнейший ход невозможен. Для того,

чтобы быть вполне прочною обладательницею своей области, мысль не должна оставлять у себя в тылу нечего непокоренного.

Отрицать гораздо опаснее, чем признавать; истина признанная значит истина покоренная и верноподданная; истина отрицаемая — значит враг, всегда готовый оспаривать нашу власть.

VII

В «Московских университетских известиях» (1865. № 5) есть статья г. Юркевича под заглавием «Разум по учению Платона и опыт по учению Канта». В этой статье автор прямо отвергает основную точку зрения Канта, ту субъективность мышления, которую тот открыл. Вот одно место из статьи, которое, кажется, яснее и прямее других мест выражает это отрицание.

Кант не выяснил себе, что законы деятельности познающего субъекта так же не суть законы субъективные, как законы движения света и масс не суть законы светлые и массивные; с этим вместе он положил начало тому беспримерному в истории направлению метафизики, для которого законы действий познающего субъекта суть вместе произведения этих действий познающего субъекта, и следствие есть основание самого себя. В учении о безусловной основе мира это заблуждение привело к неслыханному доселе мнению, что безусловное предпосылает себе самого себя и есть для самого себя абсолютное *Prisus*. Союз метафизики с скептицизмом перешел, таким образом, в союз ее с софистикой*.

Читатели видят, что здесь отвергается именно та главная черта мышления, которую нашел Кант. Законы мышления (то есть деятельности познающего субъекта) не суть законы субъективные: вот главное положение приведенного отрывка. Это значит, что мышление не само собою управляет, не знает, что оно делает и для чего делает, а повинуетя законам, извне данным. Для доказательства автор приводит следующее: «законы движения света и масс не суть законы светлые и массивные». Таким образом, мы вышли из субъективности. Мышление поставлено наряду с движением света и движением масс, то есть с явлениями объективного мира. И затем указывается, в какую ошибку мы бы впали, если бы судили о мышлении не так, как судим о движении света и движении масс. Законы света сами не суть свет, и законы, которым повинуются массы,

* С. 387.

сами не суть массы; так точно и законы, которым повинуются мысль, сами не суть мысль.

Все, что далее говорится о *неслыханной метафизике*, сводится так же точно на смешение двух миров. Автор указывает, как на очевидную нелепость, на понятия, взятые из субъективного мира; ему кажется, что достаточно назвать их, чтобы обнаружить их несостоятельность. Разве какие-нибудь законы, спрашивает он, могут быть произведением тех явлений, которые им подчинены? Разве может что-нибудь предпосылать себе самого себя? Разве следствие может быть основанием самого себя?

На все это нужно отвечать отрицательно, как скоро дело идет об объективном мире. В нем основание всегда отличается от следствия и ему предшествует; в нем нет ничего, что предпосылало бы себе самого себя, и законы управляют явлениями, а не явления законами.

Но совершенно иное дело в субъективном мире. Законы мысли суть также мысли; тело, падающее по закону тяжести, не знает закона, которому повинуются; но мысль знает закон, по которому действует, и только потому ему и повинуются, что знает его. Может ли тело усомниться в законе тяжести и отказаться от повиновения ему? Конечно нет. Между тем в Юме мысль отвергла все свои законы; она отказалась связывать явления какою бы то ни было связью. Таким образом, Канту пришлось доказывать законность приемов мысли, объяснять права, принадлежащие законам мышления.

Точно так же, мысль может предпосылать себе самую себя, может быть следствием, служащим самому себе основанием. Если я увидел издали какой-нибудь предмет и, желая его достигнуть, иду к нему, то могу сказать, что цель моего движения есть его причина и что его следствие служит ему основанием. Но то, что несовершенно изображается этим сравнением, вполне совершенно происходит в мысли. Я могу быть обманут зрением и найти в предмете не то, что повлекло меня к нему. В мысли такого обмана быть не может: мысль находит то, чего она ищет; ибо цель ей является в непосредственном, не обманывающем свете.

VIII

Во всех этих случаях, когда мы говорим о силе мышления, вытекающей из его главной, существенной особенности, нужно иметь в виду, что эта сила принадлежит мышлению *в возмож-*

ности, а никак не проявляется в каждом мышлении, какое мы вздумаем взять. Деятельность мышления в человеке может быть весьма различна. От высшей своей ступени, на которой мысль является в полной силе, она может проходить всевозможные степени до животного бессмыслия и совершенной тупости. Сущность же мысли, как и сущность всяких других явлений, открывается не в низших и посредственных формах, а в самых высших, какие она может произвести.

Рассматривая мышление в высшем его проявлении, мы должны сказать, что оно абсолютно свободно; точно так, как относительно объективного мира должны сказать, что он подчинен абсолютной необходимости. В самом деле, если бы мышление не было в возможности абсолютно свободным, если бы оно было подчинено каким-нибудь законам, данным ему извне, то для него было бы невозможно то, что составляет его действительную жизнь, то есть познание истины. Повинуясь внешним законам, оно было бы слепою силою, произведения которой не могли бы иметь притязания на значение истины.

Возьмем для примера зрение. Оно, как вещественное чувство, подчинено известным условиям, совершается по известным законам. Что же оказывается? Оно постоянно нас обманывает, постоянно дает нам неверные образы. Если бы мы руководились в своих суждениях одним зрением, то мы могли бы думать, что все предметы, когда к нам приближаются, становятся больше, а когда удаляются, становятся меньше. Вероятно, так это и существует для животных, которым нет дела до того, как вещи существуют сами в себе, а важно только то, как они являются в отношении к ним. Люди, однако же, умеют исправить обман, производимый зрением, и, хотя уменьшение знакомых предметов всегда возбуждает в нас какой-то след удивления, например когда видим людей с высокого здания, но мы твердо знаем, что никакого действительного уменьшения не происходит.

Такие и подобные обманы исправляются мышлением. Но чем мышление будет исправлять свои собственные обманы? Всякий знает, что обманы мышления существуют, что они происходят по определенным законам. Кто будет познавать эти законы и исправлять эти обманы? Очевидно, само же мышление. Итак, если оно способно познавать истину, то за ним нужно признать абсолютную способность исправлять самого себя, следовательно, *не подчиняться ни одному из своих законов*, не зная вполне, как он действует, где может дать истину и где

ложь. Если этого нет, если есть закон, которому мышление подчинено слепо и беспрекословно, то мы не можем ручаться, чтобы когда-нибудь достигли посредством него истины.

Наши глаза до сих пор нам показывают, что земля стоит, а солнце ходит. Коперник сумел отличить истинное движение от кажущегося. Так точно, Кант старался показать, что ум имеет силу отличать в своих действиях истинное от ложного, следовательно, может быть сам себе судьей и предписывать самому себе, что делать и чего не делать.

IX

Мысль освободилась в Канте. Он нашел, что она может вполне владеть собою, сама собою управлять. Какое следствие отсюда? Во-первых, то, что философские методы могут быть вполне уяснены и все задачи относительно мышления вполне определены и решены. Методы суть приемы мысли; следовательно, она за них и отвечает. Задачи суть вопросы; кто спрашивает, тот должен, как говорится, поставить вопрос, то есть со всею точностью определить, чего он ищет и что ему нужно. Мысль может вполне ясно знать, куда она идет. Это самое соображение Кант указывает как одну из своих руководящих мыслей. Если мы приписываем вещам причинную связь, то мы должны же знать, что мы им приписываем; а иначе кто же будет это знать? Если же *причина* — одно пустое слово, то и это опять наше дело; кроме нас, никто этого знать не может.

Таким образом, так или иначе мы должны получить субъективную логику, то есть науку, в которой мысль опирается только на самую себя, в которой она излагает все свои законы и движения и дает абсолютный метод своего действия, заключавший в себе все другие методы, как частные случаи.

Мысль о такой науке, в которой мышление было бы озарено своим собственным светом, лежит в основании «Критики чистого разума». Последующие философские системы представляют попытки построить эту науку. Самая большая из этих попыток есть логика Гегеля. Если бы мы и находили эту или другую попытку неудачною, то все-таки не имели бы права отвергнуть того стремления, из которого они вытекают. Задача, поставленная Кантом, остается неизменною, и нет сомнения, что в разрешении ее многое сделано удачно, и им самим, и другими.

То, что я назвал здесь субъективной логикой, есть так называемая *диалектика*.

X

Для того, чтобы пояснить субъективность мысли и требования, вытекающие из этой субъективности, я приведу здесь несколько примером отступления от этой основной точки зрения. Из них видно будет, к каким заблуждениям ведут такого рода отступления.

Принять свое собственное создание за действительность — вот обыкновенная ошибка мысли, не знающей своей собственной деятельности. Всем уже ныне известно, что гномы и эльфы суть создания воображения; но тот, кто уже настолько свободно мыслит, что не верит в леших и домовых, может быть, еще далеко не чужд других суеверий. Есть научные суеверия, столь же крепкие, как и суеверия фантазии. Мышление создает призраки, которые считает за действительность. Так исследователи природы, несмотря на руководство опыта, создали множество вещей, ни в каком опыте не встречающихся: невесомые жидкости, эфир, атомы, химическое сродство, жизненную силу и т. п. Споры об этих вещах были бесконечны и иногда весьма жалки, как, напр., спор о жизненной силе. Собственно, это было одно пустое слово.

Современные натуралисты все более и более изгоняют из науки подобные фикции; начало этих фикций заключалось в догматическом настроении ума, который стремился посредством их дать науке твердый и определенный вид. В настоящее время эта уловка уже не обманывает исследователей, и естественные науки получают все больше и больше *подвижности*; вопросы, вместо того чтобы приближаться к каким-нибудь простым решениям, заранее придуманным для них, углубляются и расширяются неопределенным образом. Таково следствие усиливающейся научной строгости.

Видеть в вещах нечто неизменное, твердое, некоторую сущность, не подлежащую никаким колебаниям, — вот постоянное стремление мысли. Не находя на деле ничего подобного, мысль подкладывает под наблюдаемые явления эту неизменную сущность, материю, атомы и т. п. В этом заключается постоянный обман мысли, который можно сравнить с обманом, по которому мы естественно стремимся считать Землю неподвижною. Нам нужно считать ее неподвижною для того, чтобы спокойно и уверенно двигаться на этой неколеблущейся опоре. Так точно для движений мысли как будто необходима опора неизменной сущности.

И в том и в другом случае нас обманывает видимость. Оказывается, что мы находимся в царстве вещей, где нет ничего неподвижного и неизменного, где все мягко и текуче, где вещи, по прекрасному замечанию Гегеля, даже пожирают одна другую. Неизменны только порядок и связь явлений.

XI

Сила и вещество, дух и материя, атомы, монады и т. д., словом — все подобные представления, в которых мы думаем воплощать для себя сущность мира, уже по тому самому не годятся для этого воплощения, что мыслятся объективно, следовательно, по самой сущности дела, по самому способу, которым их образует мысль, не содержат в себе никакого элемента для вывода из них субъективного мышления. Вообразив себе дух как нечто совершенно отличное от материи, можно, однако же, в сущности мыслить его совершенно так же, как мы мыслим материю, можно, например, законы, по которым он действует, ставить наравне с законами света, или движения масс. Дух в таком случае оказывается вещью между вещами, вещью только более тонкою, чем другие. Невольно приходит здесь на память, как в давнее уже время профессор философии в здешнем университете объяснял нам разницу между душою и телом. Можно было подумать, что дело идет о предметах совершенно однородных. Так, например, он говорил, что всякое тело, побуждаемое двумя силами, идет по диагонали, образуемой их направлениями и величинами; между тем душа в случае, если на нее действуют в одно и то же время два побуждения, всецело повинуется одному из них. Что можно было заключить из подобных сопоставлений? Только то, что законы движения бывают различны для различных предметов, и что дух подчинен одним механическим законам, а вещество — другим. Такой спиритуализм, в сущности, ничем не отличается от материализма.

XII

Материалисты суть только самые наивные из объективаторов. Им в буквальном смысле хотелось бы нарисовать сущность мира и всего, что в нем совершается. Они думают, что все, что ни существует, и все, что ни происходит, можно видеть, стоит только нарисовать это в уменьшенных или увеличенных разме-

рах, смотря по предметам. Сущность вещей для них по самой природе видима, то есть пространственна и фигурна. То, что никогда не может быть видимо в этом смысле, чего нельзя никаким образом изобразить на рисунке, для них не существует.

Мысль есть некоторое вещество, выходящее из мозга, как желчь из печени, сказал один физиолог, пожелав выразить вполне свое понимание сущности вещей. Какой ясный образ! Таким образом, мы получим вещества входящие и выходящие, частицы, двигающиеся всевозможным образом, дрожащие, вращающиеся, бегущие, и эта картина изобразит нам мир в настоящем его виде.

Относительно этой картины можно бы заметить, что она представляет мало красивого, или что она чересчур однообразна. Но главная беда не в том. У этой картины есть более существенный недостаток, именно — ей недостает зрителя. В самом деле, ведь картина объемлет все существующее; в нее вошел и зритель, то есть человек. На картине из его мозга выходит вещество, называемое мыслью; на картине происходит дрожание, вращение и беганье частиц, называемое зрением. Но кто же смотрит на эту картину? Ведь кроме нее ничего нет? Вот в чем заключается коренная беда материалиста. Он объективирует все вещи в пространственные формы, находя, что эти формы всего яснее для субъекта; наконец, он объективирует самый субъект, и тогда остается без субъекта, то есть без того, для чего происходила вся эта работа.

Никакая картина сама себя видеть не может. Картина непременно предполагает зрителя, который ее созерцает, который совершенно отделен от картины, находится в известном расстоянии от нее. Итак, картина мира, которую рисует материалист, никак не выходит полною, никак не может заключить в себе всего, что происходит. Но материалист ухищряется и думает, что он может избежать этой трудности. Чтобы покончить дело, он рисует на картине и самого зрителя и думает, что этот нарисованный зритель видит другие нарисованные вещи и что, таким образом, дело обходится само собою и не нужно уже никакого зрителя, отдельного от картины.

XIII

Человек есть зритель мира. Самая удивительная загадка заключается не в том, что мир существует, а в том, что у него есть зритель. Как бы чудесен ни казался нам мир, как бы пора-

зительны ни были для нас его порядок, стройность, красота, могущество, разнообразие, наиболее чудесное и наиболее поразительное явление состоит в том, что мы можем это видеть и этому удивляться. Великолепен свет солнца; «эти могучие лучи дышат вечностью», говорит один поэт. Но этот свет получает свое великолепие от нас; сам себя он не видит и ничего не знает о своем великолепии. Картина мира сама себя не видит и сама для себя не существует; но есть зритель, который видит эту картину, для которого она существует и который сам для себя существует. Вот самое большое чудо мира.

Если мы скажем, что человек сам породил этот мир, что его мысль создала эту видимость, внесла в нее свет, красоту, порядок, то это может показаться странным; но не будет ли казаться еще более странным, если мы скажем, что мир породил человека, что мысль человеческая есть произведение природы и что, следовательно, слепая картина породила из себя зрителя для того, чтоб он ее видел и ею любовался?

Во всяком случае, только здесь, только в этой точке мы прикасаемся к истинной загадке бытия и мышления. Что бы ни существовало и как бы ни существовало, бытие должно быть таково, чтобы возможно было мышление. И обратно — нельзя ничего понять, если мы не понимаем мышления.

XIV

Наука чистого мышления, диалектика, была обрабатываема Фихте, Шеллингом и Гегелем. Вся трудность ее заключается в том, чтобы твердо держаться основной точки зрения, то есть субъективности мысли. Мысль должна отдать себе отчет во всех своих формах и движениях, должна мыслить только одну себя. Так у Канта, в «Критике чистого разума», все объективное бытие, весь действительный мир полагался равным X , величине, о которой ничего неизвестно. Мысль была совершенно внутри себя и работала над самой собою. При такой работе нас может постоянно смущать призрак объективного мира, к которому так привыкла обращаться наша мысль. Когда философ утверждает, что бытие и ничто тождественны, нас это поражает, как будто он хотел сказать, что все вещи, существующие в объективном мире, не существуют. Между тем философ имел в виду лишь один субъективный смысл, то есть хотел сказать, что пока мы приписываем вещам только *бытие* вообще, такое бытие, которое принадлежит *всему, что ни существует*, следова-

тельно, и всякому созданию воображения, до тех пор мы еще ничего не мыслим. Для того, чтобы отличить свое бытие от *небытия*, от *ничто*, мысль должна еще что-нибудь внести в свое определение. Другими словами, это значит: вещи не могут просто *быть* и больше ничего; такое бытие немислимо; такое бытие все равно что *небытие*.

Возражения, делаемые против диалектики, основываются большею частью на подобном внесении объективного отношения в ее чисто субъективный процесс. Так, например, Шеллинг не хотел признавать, что понятие бытия совершенно определяется и ограничивается своею противоположностью: *ничто*, *небытие*, и утверждал, что диалектический ход требует от бытия перейти к понятию *предбытия* (*Vorsein*). Очевидно, такой ход был бы возможен, если бы бытие было не мое понятие, а нечто объективное. В моей мысли бытию прямо и чисто противоположно ничто. Но, если бытие положено в действительности, то есть составляет нечто мне неизвестное и непроницаемое, то я не знаю, что ему противоположно, и могу мысленно только сказать, что оно отличается от некоторого *предбытия*. Но это значит только, что я из субъективной области вступил в объективную.

Гораздо справедливее то замечание Шеллинга, что логика Гегеля есть мысль, в которой ничего не мыслится. Нужно только прибавить к этому: кроме мысли.

XV

Эти замечания сделаны для того только, чтобы показать, как сильна бывает склонность мысли к объективации, то есть к отступлению от своей субъективности. Главная же цель моя была указать на эту субъективность, ясно поставить ее перед глазами читателя. Повторим в кратких словах существенные положения статьи.

Мысль иначе относится к себе самой, чем к другим предметам, так как мысль сама себя мыслит. Мысль сама собою управляет, то есть свободно подчиняется своим внутренним законам.

Невозможно рассматривать мысль наряду с объективными предметами.

Невозможно рассматривать мир так, чтобы в это воззрение не входил такой (то есть субъективный) взгляд на мысль.

Но из этого взгляда на мысль следует, что возможна логика как наука чистой мысли.

Вот положение дела. Задача поставлена у Канта, и если бы пришлось перевершить все ее решения, то все-таки нам пришлось бы решать ту же самую задачу, пришлось бы искать мысли, которая сама себя мыслит. Только такая мысль может стать для нас твердою опорой.

